

ТРАКТОВКА ПЛАТОНОВСКОЙ ТРАДИЦИИ КЛИМЕНТОМ АЛЕКСАНДРИЙСКИМ*

И.В. ЗАЙЦЕВА¹
А.М. СТРАХОВ²

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail: state@bupk.ru

Работа посвящена рассмотрению учения Платона одним из раннехристианских отцов церкви Климентом Александрийским. Выбор подобной проблемы обусловлен повышенным исследовательским интересом к проблеме взаимодействия языческой и христианской религии на момент становления христианства. Исследуя данный вопрос, авторы уделили внимание нескольким основным проблемам в учении Платона, которые рассматривались Климентом Александрийским.

Ключевые слова: Климент, христианство, философия, античность, традиция.

К рассмотрению данного вопроса мы обращаемся, прежде всего, потому, что среди всех античных философов Климент Александрийский выделял именно Платона, как человека наиболее «верных» взглядов, нежели остальные язычники.

Обратимся кратко к биографическим данным о Платоне и его творческом пути, чтобы более чётко проследить точки соприкосновения его с Титом Флавием Климентом.

Платон (427-347 гг. до н.э.) родился в Афинах в аристократической семье. Его отец Аристон происходил из рода последнего афинского царя Кодра и афинского законодателя Солона, а мать – Периктиона была двоюродной сестрой одного из 30 афинских тиранов Крития¹. В юности его готовили к занятиям политикой. Он много читал, слушал философа Кратила, последователя Гераклита. Но приблизительно с 407 г. до н.э. Платон оказался в числе слушателей Сократа, и это событие изменило его судьбу: он сжег все материалы, которые написал до этого, отказался от мечты о политической карьере и принял решение заниматься только философией.

После казни Сократа в 399 г. до н.э. Платон на десять лет уехал из Афин и путешествовал по Южной Италии, Сицилии, Египту. Во время этих поездок он оказался при дворе сиракузского тирана Дионисия I, которому попытался изложить свои идеи о наилучшем государственном устройстве. Однако Дионисий стал подозревать философа в подготовке заговора с целью переворота и продал его в рабство. После возвращения в Афины (ок. 388-387 гг. до н.э.) Платон купил там землю и организовал собственную школу – Академию².

Основная мысль философии Платона – учение об идеях. Он считал, что как тени относятся к реальным существам, их отбрасывающим, так и вся область чувственно воспринимаемого в целом относится к вещам умопостигаемым: идея настолько же реальнее и живее зримой вещи, насколько вещь подлиннее своей тени. Идеи находятся в «мыслимом месте», – сфере умопостигаемого, которая в самой себе имеет градацию: там пребывают вечные идеи, постижимые только интуитивным умом, но также числа и геометрические объекты как предмет, постигаемый дискурсивным

* Работа подготовлена при поддержке Внутривузовского гранта БелГУ 2010 г. ВКАС № 30-10 и в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., госконтракт П322 «Человек переходной эпохи: Поздняя античность – Ранняя Византия».

¹ Васильева Т.В. Путь к Платону. М., 1999. С. 57.

² Васильева Т.В. Афинская школа философии. Философский язык Платона и Аристотеля. М., 1985. С. 144.

знанием³. В целом умопостигаемый космос обладает бытием благодаря наивысшему трансцендентному принципу – единому благу, которое находится «по ту сторону сущности», неизреченно и непознаваемо, но без него никакое бытие невозможно, так как чтобы быть, всякая вещь должна быть самой собою, быть чем-то единым и одним. Данный нам в чувствах мир – это область «становления», где все возникает и погибает, вечно меняясь и никогда подлинно не существуя. Вещи существуют лишь благодаря своей причастности идеям, вечным и неизменным образцам.

Души являются третьей важной онтологической реальностью наряду с вещами и идеями, они выступают как посредствующее звено между чувственным и умопостигаемым. Душа представляется у Платона состоящей из трех частей: вожделеющей, пылкой и разумной. Существовая в чувственных телах, души образуют с телом «совокупное целое» – живое существо (имеются в виду и животные и люди)⁴. Но только души людей обладают разумом и поэтому могут познавать мир идей, если пройдут необходимый путь очищения и воспитания. Души животных (и растений) смертны, а разумные души людей бессмертны, поскольку они сотворены Богом из того же состава, что и бессмертная мировая душа. После смерти души попадают на суд и получают возможность выбрать себе новую жизнь, статус в которой будет зависеть от добродетельности или порочности уже прожитой жизни. Так, очень кратко можно описать основные философские идеи Платона.

Климент Александрийский обращается к философии Платона в «Строматах» и в «Увещании к язычникам». Вначале мы предлагаем обратиться именно к «Протрептику», поскольку, на наш взгляд, в этом произведении христианский богослов сделал основной акцент на характеристику идей Платона, несмотря на то, что упоминает он о нём лишь в 4-х местах своего труда. Поставив перед собой задачу приведения язычников в лоно христианства, Климент столкнулся с вопросом о помощи в этом со стороны самих язычников. Так он говорит: «Кого ты дашь мне помощником в поисках... Пожалуй Платона. Где, о Платон, надо искать Бога?» (Protr. VI. LXVIII). То есть, мы видим, что у автора не возникает сомнений в выборе своего помощника, более того, он сразу же обращается к нему с главным для христиан вопросом: где искать Бога? Вырывая из контекста фразы Платона, он восхищается им: «прекрасно, о Платон, ты прикасаешься к истине... И Платон, размышляя подобным образом, имеет в виду Бога: Всё находится во власти царя вселенной, Он – причина всего прекрасного» (Protr. VI. LXVIII).

Безусловно, необходимо сказать, что Климент, являясь одним из первых христиан, не отвергавших полностью язычество, видел в Платоне похожие задатки, говоря: «Откуда у тебя, о Платон, эти проблески знания истины? Откуда взялся этот щедрый, предвещающий благочестие, источник слов? «От более мудрых – говорит, – нежели греки, варварских племён». Знаю твоих учителей, даже если ты и захочешь их скрыть: геометрии ты учился у египтян, астрономии – у вавилонян, целительные заклинания ты заимствовал у фракийцев. Многому тебя научили и ассирийцы. Истинные законы и представления о Боге были получены тобой от самих евреев» (Protr. VI. LXX). На данном высказывании в «Увещании к язычникам» заканчиваются упоминания о Платоне, однако, можно сделать вывод, что столь лестные высказывания о языческом философе выдают в Клименте человека незаурядного ума, стремящегося к постижению истины⁵.

Обратимся теперь к «Строматам». В данном труде Климент Александрийский упоминает Платона, по нашим подсчетам, 89 раз в семи книгах (не считая одного упоминания Платона как комического поэта, о котором мы не можем с уверенностью сказать, кого автор имел в виду на самом деле). Рассматривая трактовку платонов-

³ Васильева Т.В. Афинская школа философии. Философский язык Платона и Аристотеля. М., 1985. С. 147.

⁴ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 1969. С. 31.

⁵ Лосев А.Ф. Тахо-Годи А.А. Платон. Аристотель. М., 1993. С. 139.

ской традиции в этом произведении, можно обратиться вначале к характеристике Климентом языческой философии. Он утверждал, что не только богословие, но и светские науки, прежде всего, философия, хотя бы отчасти имеют небесное происхождение: «И может быть философия, прежде чем Господь призвал эллинов к Себе, была дана им до времени и на первый случай – с той же целью, с какой и евреям – Писание. Она была для эллинов таким же детоводителем ко Христу, каким и закон для евреев»⁶. На наш взгляд, под «философией» Климент понимал не учение какого-либо отдельного греческого мыслителя, а совокупность всего «наилучшего», то есть не противоречащего христианскому Откровению в системах Платона, Аристотеля, Эпикура, стоиков: «Под философией же я понимаю ... философию эклектическую – то лучшее, что каждая из этих школ говорит о справедливом и благочестивом знании»⁷. Однако, стоит отметить, что Тит Флавий Климент не включает сюда учения софистов, так как они выступали «против самой истины», которая, согласно Писанию, есть Бог. В то же время, памятуя о предупреждении апостола Павла, Климент предостерегает от увлечения философией стоиков и эпикурейцев, своеобразных «античных материалистов», так как это «философия по стихиям мира сего», а не по Христу⁸. Истинная же философия, по Клименту, отстаивает существование Творца мира и высшего бытия. Именно поэтому Платон в глазах Климента оказывается в выигрышном положении перед другими философами, и не случайно он называет его «другом истины», «говорившим по божественному внушению»⁹. Климент также высказывает мысль, которую потом будут повторять многие христианские толкователи Платона, что афинский философ вдохновлялся книгами Моисея, к чему мы уже обращались, рассматривая его высказывание в «Увещании к язычникам». Но также и в «Строматах» он вновь повторяется, говоря: «Платон не отрицает того, что все наиболее прекрасное в его философии он заимствовал у чужеземцев и признает, что путешествовал в Египет. В «Федоне» же он прямо говорит, что философ не должен гнушаться никакими источниками познания: «Эллада велика, Кебет, отвечал Сократ, и в ней есть много добрых людей, много и варварских племен» (Strom. I, 66).

Довольно часто он сравнивает Платона с другими языческими философами, которых укоряет в непонимании истины, которая была открыта, по его мнению, Платону: «Таким образом, Платон признает, что и у варваров есть свои философы, противореча в этом Эпикуру, который полагает, что только среди эллинов возникла и процветает философия» (Strom. I, 67). Но мы находим случаи, когда Климент изыскивает у других философов положительные отзывы о Платоне. Так он говорит: «Аристобул в первой книге своего сочинения «К Филометору» пишет: «Платон также следовал началам нашего законодательства. И очевидно, что он самым внимательным образом вникал во все его подробности... Нумений, пифагорейский философ, прямо говорит: «Что такое Платон, как не Моисей, говорящий на аттическом наречии?»» (Strom. I, 150).

Стоит сказать, что проблеме истины Климент уделял особое внимание и тем интереснее посмотреть отношение к истине самого Платона. По мнению Климента, в связи с тем, что Платон учился у лучших варваров, которые также обладали истинным знанием, он и сам этим знанием обладает: «Поэтому-то мы не всякую философию без разбора признаем истинной, но только ту, о которой и Сократ говорит у Платона следующее: «Как говорят посвященные в мистерии, тирсоносцев много, но вакхантами становятся лишь некоторые»» (Strom. I, 92). Далее он озвучивает следующую мысль: «В «Демодоке» (если только это сочинение принадлежит Платону) тот же Сократ говорит: «Не думайте, что я называю философом человека, прошедшего жизнь в

⁶ Отцы и Учителя Церкви III века. Антология. Составление биографические библиографические статьи иеромонаха Илариона (Алфеева). М., 1996. С. 43.

⁷ Там же. С. 44.

⁸ Chadwick H. Clement of Alexandria // The Cambridge History of Later Greek and Early Medieval Philosophy / ed. A.H. Armstrong. Cambridge, 1967. P. 65.

⁹ Генон Р. Очерки о Традиции и метафизике. СПб., 2000. С. 127.

трудах по освоению различных наук и искусств, или же в погоне за многознанием. Это был бы скандал для философии» (Strom. I, 93). Даже в трактате Платона «Государство» Тит Флавий Климент обращается к мысли об истине: «В пятой книге «Государства» мы снова встречаем нечто подобное: «Всех ли этих и подобных им людей, стремящихся узнать нечто или же научиться какому-нибудь ремеслу, мы назовем философами? – Отнюдь нет, ответил я, разве только похожими на них. – Но, возразил он, кто же тогда заслуживает имени истинных философов? – Те, кто любит усматривать истину, ответил я» (Strom. I, 93).

В «Государстве» Климент находит и упоминание Платона о едином Боге, на которого необходимо «взирать и действовать справедливо» (Strom. I, 165). Здесь, по мнению автора, Платон выступает в качестве главного толкователя закона, который заимствует свои собственные положения из закона Моисея¹⁰. На наш взгляд, данное произведение Платона очень высоко ценилось Климентом Александрийским, который полностью разделял взгляды философа на управление государством: «Он говорит также, что искусство управления государством состоит из двух частей: одно касается закона, другое – его осуществления, то есть собственно политики. Говоря об идеале политика, в своем одноименном произведении он, прежде всего, имеет в виду демиурга, называя политиками тех, кто обращен к нему, ведет жизнь деятельную и справедливую, не лишенную, однако созерцательности» (Strom. I, 165).

Кроме прочего, Климент находит в учении Платона и схожесть со Священным писанием, которую он усматривает в следующих словах: «В «Федре» он называет мудреца богачом, так восклицая: «О Пан возлюбленный и все вы здесь присутствующие боги, даруйте мне внутреннюю красоту! А то, что есть у меня внешнего, пусть будет дружественно тому, что у меня есть внутри. Пусть богатым считается мудрец...Афинский же его гость, осуждая мнивших себя богачами потому лишь, что скопили много золота, так выражает свое негодование: «Стать богатым, оставаясь добродетельным, невозможно – по крайней мере богатыми в том смысле, как это понимает большинство. Ведь богатыми называют тех избранных людей, которые приобрели имущество, оцениваемое огромной суммой, хотя бы и сам владелец был дурным человеком». Напротив, Писание называет блаженными нищих, с чем соглашается и Платон: «Бедность заключается не в уменьшении имущества, но в увеличении ненасытности» (Strom. I, 168).

Особое внимание в трактовке платоновской традиции Климент Александрийский уделил понятию «вера»¹¹. Он считает, что Платон твёрдо утверждал, что вера необходима всегда: «Не прибегая к силе добродетели, остаться верным и в здравом уме во время смуты невозможно. Борцы готовы умереть в битве, но многие из них гибнут из-за своей жадности. Большая часть народа дичает, забывает о справедливости, становится жестокой и неразумной. Отличаются от этой толпы лишь немногие. И если это так, то всякий законодатель, если он не лишен понимания того, что необходимо, в своих законах должен преследовать единственную цель – содействие высшей добродетели» (Strom. II, 23). Из этих утверждений следует, что вера – мать всех добродетелей на земле, как по мнению Климента, так и по мнению Платона¹².

Двояка, по мнению Климента Александрийского, мысль Платона о том, в чём состоит цель человеческой жизни. С одной стороны, Платон утверждает, что в идеях, с другой – в уподоблении Богу¹³: «Порой он отождествляет это счастье с жизнью упорядоченной и гармоничной во всем, иногда же утверждает, что счастье состоит в совершенстве, которое согласно с доблестью. И совершенство это, по его мнению, состоит в научном знании Блага и уподоблении Богу» (Strom. II, 131). Но здесь же Кли-

¹⁰ Edwards M.J. Clement of Alexandria and his Doctrine of Logos // *Vigiliae Christianae*. 54. 2000. P. 162.

¹¹ Генон Р. Символика креста. М., 2004. С. 268.

¹² Procter E. Christian Controversy in Alexandria: Clement's Polemic against the Basilideans and Valentinians. New York, 1995. P. 168.

¹³ The Early Church and Greko-Roman Thought / Ed. E. Ferguson. New York – London, 1993. P. 101.

мент говорит и о том, что он согласен с этой мыслью Платона, поскольку «и из наших учителей не соглашаются ли некоторые с ним в том, что человек с рождения является «образом Бога», становясь «подобием Бога» впоследствии, благодаря достигнутому совершенству?» (Strom. II, 131).

В «Строматах» мы находим место, в котором Климент соглашается с Платоном, несмотря на его мысль, которая явно противоречит Священному писанию – о том, что необходимо заботиться больше о теле, нежели душе: «Вот почему Платон, которого еретики чаще всего привлекают в качества авторитета, отрицающего творение, в третьей книге «Государства» пишет, что ради гармонии между телом и душой следует особенно заботиться о теле, с помощью которого только и может жить и праведно действовать славный провозвестник истины. Только сохраняя жизнь и здоровье, мы можем достигнуть гносиса. Тот же, кто не может подняться до самых высот непосредственно, занимаясь сначала необходимыми повседневными вещами и только через них достигая того, что в конечном итоге ведет к гносису, разве не должен стремиться к благополучию? Лишь через жизнь мы утверждаем благоденствие; и лишь в этой телесной оболочкой, упражняясь в добродетели, достигаем бессмертия» (Strom. IV, 18).

Безусловно, уважением у Климента пользовались мысли Платона о том, что жертвоприношения не могут принести пользу, поскольку те, кто ищут знаний о Боге, «принесут в жертву более труднодоступное, чем поросёнок» (Strom. V, 66), а также о бессмертии души: «Платон в последней книге «Государства» говорит об этом так: «Там были дикие люди, огненные на вид. Послушные доносившемуся из бездны реву, они схватили некоторых и увели, а Аридея и других связали по рукам и ногам, накинули им петлю на шею, повалили наземь, содрали с них кожу и поволокли по бездорожью, по вонзающимся колючкам [причем, всем встречным объясняли, за что такая казнь и говорили, что сбросят преступников в Тартар]». Ясно, что огненные люди – это ангелы, которые, схватив неправедных, повели их на казнь. «Ты творишь, – сказано, – ангелами своими духов, служителями своими огонь пылающий» (Strom. V, 90).

Таким образом, анализируя восприятие Климентом Александрийским платоновской традиции, можно сделать вывод, что двоякого отношения мы не наблюдаем. Климент в целом положительно относился к философии Платона, призывая его к себе в помощники в поисках христианской истины. Фактов, указывающих на недостатки учения Платона, по мыслям Тита Флавия Климента, мы не находим в рассмотренных произведениях, что может говорить о том, что философия этого языческого автора послужила поводом к достаточно лояльному отношению ко всей античной культуре со стороны христианского апологета¹⁴.

Остается лишь добавить, что платонизм в значительной мере стал впоследствии основой «картины мира» в христианстве. Именно преимущественно платоновский мир был оживлен спасительной миссией Сына Человеческого.

TREATMENT OF PLATO'S TRADITIONS IN CLEMENT OF ALEXANDRIA'S WORKS

I.V. ZAITSEVA¹⁾
A.M. STRAKHOV²⁾

Belgorod State University

¹⁾ e-mail: state@bupk.ru

Given article is devoted to consideration of the doctrine of Plato by one of early Christian fathers of church Clement of Alexandria. The choice of the problem is caused by the raised research interest to the matter of interaction between pagan and Christian religions at the moment of Christianity formation. Investigating the point in question, the authors paid attention to several problems in Plato's doctrine which were considered by Clement of Alexandria.

Key words: Clement, Christianity, Philosophy, Antiquity, tradition, Plato.

¹⁴ Buell D.L. Making Christians: Clement of Alexandria and the Rhetoric of Legitimacy. Princeton, 1999.